

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

перегородочкой сидят два монтировщика и, извините, жрут какой-то доширак, смачно чавкая. Время от времени у них начинает бубнить рация, и тогда парни, деловито утирая рты, идут перевставлять мебель и делать спецэффекты, вроде «рассвета» с помощью оранжевого прожектора.

Что ж, раз уж речь о тленности всего существенного, то вот она — тотальная деконструкция: текста, музыки, театрального действия. Самое любопытное, впрочем, то, что публика в большинстве своём ничего этого не отфиксировала, а то и вовсе не заметила: обаяние классических текстов и классической музыки настолько мощно, что жаждущие красоты зрители отмели всё раздражающее и на обсуждении после спектакля в один голос благодарили за красоту, за поэзию, за пение, и даже в сцене драки увидели лишь красивую хореографию (она действительно присутствует, хореографы — Иван Естегнеев и Евгений Кулагин).

Дальнейшие просмотры спектаклей Тимофея Кулабина ещё раз доказали, что для этого режиссёра идея первична; оригинальная идея — двигатель каждого его спектакля. Эмоции уходят на второй план, их может и вообще не быть, главное — мысль. Театр Кулабина холoden, рационален. Недаром в буклете, выпущенном к фестивалю, в своей прямой речи Кулабин пишет: «Театр вообще может быть очень разным, ему совершенно не обязательно быть зреющим и заставляющим тебя рыдать или смеяться. Он может быть холодным, рациональным, каким угодно».

Даже в оформлении спектаклей Кулабин и его постоянный соавтор художник Олег Головко избегают ярких красок. Спектакли этого дуэта постановщиков — это «50 оттенков серого». Ну, ещё белого и чёрного. На каждом спектакле Олег Головко выстраивает этакую серую коробку, замкнутый мир прямых линий и углов, герметичную «упаковку» для действия. Это пространство очень технологично, наполнено экранами, камерами, видеопроекциями, световыми эффектами.

Все эти впечатления, возникшие уже на #сонетышекспира, подтвердили последовавшие за ним спектакли. «Электра» того же Театра наций игралась в Перми последний раз — спектакль уже не новый, снимается с репертуара, — и

permские зрители в голос недоумевали: такое — и снять с репертуара?! В самом деле, «Электра» Тимофея Кулабина — это совершенство, эталон, мастер-класс на тему «Как превратить античную трагедию в актуальную драму и при этом оставить её настоящей античной трагедией».

Как в любой настоящей античной трагедии, герои выясняют отношения не столько друг с другом, сколько с богами, в трактовке Кулабина — с Богом. Действие происходит там, где современный человек ближе всего подходит к небесам и к вечности — в зале ожидания аэропорта. Сюда каждый год в один и тот же день приходит человек, который исполняет странный ритуальный танец. В этот день несколько лет назад вся его семья погибла в авиакатастрофе, и своим танцем он просит богов вернуть его близких. Но боги молчат.

Они всё время молчат. Молчат и тогда, когда Орест (Олег Савцов) и его сестра Электра (Юлия Пересильд) задумывают убийство своей матери Клитенестры и её мужа Эгисфа, и тогда, когда они осуществляют задуманное, буквально заливая сцену кровью; молчат и тогда, когда выясняется, что зря они грешили на мать. Неизбежно Орест задаёт себе вопрос: а может, и нет никаких богов? Но боги продолжают молчать, а отвечают герою... лауреаты Нобелевской премии по химии, физике, медицине — Иван Павлов, Нильс Бор, Альберт Эйнштейн и другие. Их высказывания о неприятии концепции божественного творения высвечиваются бегущей строкой, а на многочисленных мониторах (всё-таки сцена — это зал ожидания аэропорта) одновременно появляется видео, иллюстрирующее новейшие естественнонаучные теории и открытия, такие как бозон Хиггса, теория струн и т. д.

И всё же в finale спектакля Танцующий вновь выходит на сцену и вновь пытается говорить с богами.

Напряжённый интеллектуализм в этом спектакле соединяется с по-настоящему страстной игрой актёров, и Юлия Пересильд в заглавной роли просто рвёт жилы. Из этого и складывается трагедия — человеческие страсти, холодноватый интеллект и молчание богов.

Для permских театралов особенно примечательным оказался тот факт,

что спектакли Кулабина, поставленные не в Театре наций, а в его родном новосибирском «Красном факеле», ничуть не проигрывают московским. По эстетике и по силе мысли они близнецы, а по качеству актёрской игры Новосибирск кое-где даже выигрывает.

«Процесс» по роману Кафки и «Онегин» по стихотворному роману Пушкина — это сеансы реанимации литературного текста, его радикального оживления. Особенно примечателен в этом плане «Онегин» — после этого спектакля, самого раннего из показанных на фестивале и самого эмоционального, от зрителей то и дело можно было услышать: «Как впервые прочитал». «Процесс», впрочем, тоже буквально открывает глаза на смысл произведения Кафки, как будто стерильно очищенный: с пронзительной ясностью Тимофей Кулабин говорит о том, что симпатичный Йозеф К. (Антон Войналович) запросто мог не поддаваться навязанной ему игре, просто отмахнуться от непонятного процесса — и выжил бы; но равнодушно говорить «сам виноват» не хочется, потому что ситуация абсолютно человеческая — все мы, бывает, поддадимся ложным тревогам, которые затягивают в пучину паранойи даже самых разумных. История Йозефа К. показана очень холодно, очень тягуче, истинного зрительского сопереживания вовсе не вызывает. Ну, так и роман Кафки такой же.

И в «Онегине», и в «Процессе» невозможно не любоваться потрясающей труппой «Красного факела». Как они говорят, как двигаются, как естественно, без наигрыша существуют на сцене! Ни грамма того провинциализма, который мы порой вынуждены прощать актёрам permских театров. Настоящая современная труппа.

Об этом хочется поговорить подробнее, тем более что «Пространство режиссёры» дало пищу для такого разговора. Современный актёр и его компетенции — одна из сквозных тем фестиваля, связанная с целой серии показов ученических спектаклей, в которых участвовали мастерская Дмитрия Брусникина Школы-студии МХАТ, мастерская Константина Райкина Высшей школы сценических искусств и стажёрская труппа Театра-Театра. Permские стажёры показали спектакль

#конституция.рф, о котором «Новый компаньон» уже писал подробно, и, надо признать, ничуть не проиграли московским молодым.

Все три молодёжных коллектива показали, что современный актёр должен уметь очень многое: танцевать и быть спортивным, петь и быть музыкальным, говорить на разных языках — в смысле, на разных русских языках: как показал документальный спектакль мастерской Брусникина «Транссиб», русских языков существует множество — и, конечно, уметь жить в любых предлагаемых обстоятельствах и быть органичным. Посмотрев спектакли театра «Красный факел» и студенческие работы, каждый понял, зачем Борис Мильграм и Владимир Гурфинкель специально набрали актёрский курс для постановки мюзикла «Винил». При всей любви к труппе Театра-Театра, там нужна новая труппа с новыми компетенциями, свежая кровь.

«Пространство режиссёры» многомерно и многослойно. Это не только показы для публики, но и профессиональные события — круглые столы, мастер-классы, лекции, обсуждения. Их активно посещали permские театральные деятели — педагоги, режиссёры, актёры, да и публика частенько заходила.

Концентрируясь на актуальной режиссуре, фестиваль в то же время отдаёт дань режиссёру-классику — Зиновию Корогодскому. К сожалению, блестящая выставка его сына Данилы Корогодского просуществовала в большом фойе театра всего два дня — у театра нет собственного выставочного оборудования, аренда дорогая; но на эти два дня зрители переместились в ещё одно пространство, в котором изобразительное искусство выразительно рассказывало об истории страны через семейную историю и о театре — через эскизы к спектаклям, созданные настоящим художником. Пространство режиссёры сомкнулось здесь с пространством арта, создавая выставку-спектакль.

Пять фестивальных дней яростно доказывали Перми: театр лучше жизни. Возвращение в реальность после закрытия фестиваля, отрезвляющее и охлаждающее, пережить помогает лишь надежда на то, что через год «Пространство режиссёры» вернётся.

«Онегин»

#сонетышекспира